АЛЕКСАНДР ВАЛЕРЬЕВИЧ ЖАРКОВ

16+

БАБУШКИНЫ ВЕЧЕРА

Я СТОЮ

Роман

МОСКВА • 2026

Александр Жарков

Бабушкины вечера. Я стою

«Автор»
2026

Жарков А. В.

Бабушкины вечера. Я стою / А. В. Жарков — «Автор», 2026

Прошло восемнадцать лет. Соня выросла. Деревня почти опустела: три живых дома, шесть мёртвых, дорога, которую забыли. Соня по-прежнему встаёт до солнца, кормит печь, подпол, двор и колодец, ставит на стол четыре тарелки. Четвёртая — для того, кто ждёт за межой.Она привыкла быть одна. Она научилась не считать, не называть, не оборачиваться. Но однажды у калитки останавливается машина, и из неё выходит девушка, которая смотрит на поле слишком долго. А потом возвращается мать — та, что когда-то сказала «нет» и уехала.Поле помнит отказ. Поле ждёт долг. И у Сони остался последний способ заплатить: не одной.

© Жарков А. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 20
Глава 4 28
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 35
Глава 5 35
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Александр Жарков
Бабушкины вечера. Я стою

Что было — не считай. Что будет — не зови. Что стоит — держи. — Из тетради девятой

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
АВГУСТ. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Что ушло — не гонись. Что вернулось — не гони. — Из бабушкиных тетрадей

Глава 1
Дом

Дом просыпается раньше Сони.

Сначала скрипит половица в сенях. Потом оседает печь. Потом в трубе трогается ветер — тихо, как будто кто-то вздохнул во сне. Соня лежит с открытыми глазами. Она знает каждый звук. Она знает: это не дом проснулся. Это дом проверяет, проснулась ли она.

Она встаёт.

В комнате серо. За окном туман. Август. Она не считает, какой он по счёту. Тело помнит: давно. Руки помнят. Спина помнит. Ноги помнят холод пола.

Она стелет постель. Кладёт подушку так, чтобы угол смотрел на окно. Бабушка так клала. Соня не помнит, почему. Она просто делает.

Она надевает платье. Тёмное, ситцевое, до щиколоток. Сверху — кофту с длинным рукавом. Левый рукав она застёгивает на пуговицу у самого запястья. Под рукавом — рука. Левая. Тёмная. Как земля. Соня не смотрит на неё. Она знает.

На запястье — красная нитка. Три узла. Нитка старая, выцветшая, но красная. Она не снимается. Соня пробовала. В первый год. Потом перестала.

Она выходит в сени.

Половица скрипит под босой ногой. Соня кладёт правую руку на косяк. Три раза. Сухо. Отчётливо.

— Хозяин, я выхожу. Не серчай.

Двор молчит. Потом отвечает: петух кричит один раз, коротко, как будто кашляет. Соня улыбается. Петя молодой, голосистый, глупый. Петрович был умнее. Петрович умер в позапрошлую зиму. Соня не хоронила его — куры сами. Она не считала, сколько их осталось. Семь. Она знает, что семь, но не считает.

На крыльце роса. Соня босая. Она сходит на землю. Земля мокрая, холодная. Трава щекочет щиколотки. Соня идёт на восток. Останавливается. Кланяется. Низко.

— Здравствуй, солнце. Здравствуй, день. Здравствуй, тот, кто за межой. Я стою.

Солнца ещё нет. Но небо на востоке уже светлое, серо-розовое, как мясо. Соня выпрямляется. Смотрит. За двором — огород. За огородом — межа. За межой — поле. Поле стоит. Трава в нём высокая, седая от росы. Она не ложится. Даже когда ветер. Даже когда дождь. Соня знает: она не ложится никогда.

Она возвращается в дом. Открывает дверцу печи. Внутри зола. Серое, мёртвое, тёплое. Соня достаёт блюдце. Наливает молоко. Ставит в устье.

— Ешь, — говорит она. — Не серчай.

Молоко стоит. Потом на поверхности появляется рябь. Один круг. Второй. Соня не считает круги. Она закрывает дверцу. Не до конца. Хозяин должен дышать.

В сенях она открывает люк подпола. Из-под пола тянет холодом. Мокрой землёй. Старой картошкой. Соня кладёт на край кусок хлеба.

— Это тебе, — говорит она. — Не плачь. Я не открою.

Под полом тихо. В первые годы там плакали. Тихо, тонко, как ребёнок. Соня не утешала. Бабушка учила: утешение — это приглашение. Теперь не плачут. Теперь там просто холод. Соня ждёт. Потом закрывает люк. Кладёт нож крест-накрест. Лезвием к двери.

В сарае пахнет сеном и куриным помётом. Куры ещё сидят на насесте. Петя сидит выше всех. Смотрит на неё одним глазом. Потом другим.

— Петя, — говорит Соня. — Я пришла.

Она сыплет зерно. Куры сходят вниз. Начинают кудахтать. Петя слетает последним. Важно идёт по сараю. Соня смотрит на сено. Оно примято. Кто-то стоял здесь ночью. Или сидел. Соня не поправляет. Она выходит.

— Хозяин, — говорит она в темноту. — Я выхожу. Не серчай.

У колодца она останавливается. Ворот скрипит на втором обороте. Соня знает: свой скрипит дважды. Чужой — трижды. Сегодня — дважды. Она достаёт ведро. Вода тёмная. В ней — небо. Серое. И её лицо. Обычное. Двадцатишестилетнее. Только глаза не двадцатишестилетние. Она смотрит на них. Долго. Потом отводит взгляд.

Она достаёт из кармана кусок хлеба. Бросает в колодец.

— Хлеб тебе, — говорит она. — Ребёнка не тронь.

Вода принимает хлеб. Круги расходятся. Медленно. Соня не считает. Она смотрит, как хлеб тонет. Потом закрывает колодец крышкой. Кладёт на крышку камень. Уходит.

В доме она ставит на стол три тарелки. Три — для тех, кто живёт. Четвёртую — напротив. В четвёртую кладёт хлеб. В остальные — кашу. Молоко. Ложки.

Она садится. Смотрит на стол. Три тарелки. Она одна. Так надо. Так ставила бабушка. Так ставят все, кто стоит.

Она ест кашу. Медленно. Вкуса не чувствует. Но ест. Потому что надо. Потому что бабушка бы сказала: «Ешь».

За окном встаёт солнце. Свет идёт через двор. Ложится на пол. На стол. На четвёртую тарелку. Хлеб на ней тёплый. Как будто его только что испекли.

Соня доедает. Встаёт. Убирает посуду. Моет кружки. Вытирает стол. Потом садится на табурет у печи. Смотрит на огонь.

Печь горит ровно. Дрова берёзовые, сухие. Соня заготовила их в июне. Одна. Дед Митрич помогал, пока был жив. Дед Митрич умер в тридцать девятом. С тех пор — одна.

Она смотрит на огонь. Огонь смотрит на неё. Так они и сидят.

— Бабушка, — говорит Соня тихо. — Я справляюсь.

Печь молчит. Потом трещит. Одно полено оседает. Соня кивает. Как будто ей ответили.

***

Первую зиму она помнит по частям.

Помнит, как стояла на крыльце и смотрела, как машина уезжает. За рулём был отец. Мать сидела рядом. Она не обернулась. Соня ждала, что обернётся. Не дождалась. Машина скрылась за поворотом. Дорога осталась пустая.

Помнит, как Варя пришла вечером. Принесла кастрюлю щей и одеяло. Сказала:

— Я тебе не мать. Но я рядом. Буду приходить.

Соня сказала:

— Я сама.

Варя сказала:

— Знаю. Буду приходить.

И приходила. Каждое утро. Восемнадцать лет.

Помнит первую ночь, когда печь погасла. Она проснулась от холода. В доме было темно. Половицы скрипели. Соня лежала и слушала. Потом встала. Пошла к печи. Открыла дверцу. Зола была серая, мёртвая. Соня не знала, как топить. Бабушка топила. Соня смотрела, но не запомнила.

Она выбежала на улицу. Босая, в рубашке. Снег был первый, тонкий, как соль. Она бежала к Варе через два дома. Стучала в дверь. Варя открыла. Не испугалась. Взяла её на руки. Занесла в дом. Растёрла ноги. Напоила чаем.

— Ты хозяйка, — сказала Варя. — Хозяйка не бегает. Хозяйка топит.

— Я не умею.

— Научу.

Утром они вернулись. Дом был тёплый. Печь горела. Соня посмотрела на дрова — они лежали так, как их клала бабушка. Она не клала. Она не умела.

— Варя, — сказала Соня. — Кто затопил?

Варя посмотрела на печь. Потом на Соню.

— Дом, — сказала она. — Он тебя ждал. Не оставляй его без огня.

С тех пор Соня не оставляла. Ни разу. Даже летом. Даже когда болела. Даже когда хотела умереть.

Помнит, как первый раз поставила четыре тарелки. Ей было восемь. Она ставила три — себе, бабушке, Варе. Четвёртую поставила сама. Не думая. Варя пришла, увидела. Спросила:

— Кто четвёртый?

Соня сказала:

— Гость.

Варя не засмеялась. Не сказала, что гостей нет. Она посмотрела на тарелку. Долго. Потом сказала:

— Хлеба положи.

Соня положила.

Помнит, как в двенадцать лет попробовала снять нитку. Она не помнила, зачем её завязали. Она была ребёнком. Нитка мешала мыть руки. Соня потянула. Узел не поддался. Она взяла нож. Поддела. Нитка затянулась так, что посинела рука. Соня испугалась. Бросила нож. Нитка ослабла сама. На запястье остался след — тонкая белая полоса. Он до сих пор там.

Помнит, как в тринадцать лет увидела первую.

Она шла от колодца. У межи стояла старая женщина. В домотканой рубахе. Босая. Седые волосы заплетены в косу. Лицо как доска, выбеленная дождём. У неё не было тени. Солнце было сбоку. Тень должна была быть. Её не было.

Соня остановилась. Женщина посмотрела на неё. Сказала:

— Стоишь?

Соня сказала:

— Стою.

Женщина кивнула. Сказала:

— Хорошо.

И ушла. Не в поле. В сторону. Просто ушла. Соня не видела, куда.

Она никому не рассказала. Варе — не рассказала. Бабушке — не могла. Она была мёртвая. Соня просто запомнила. И потом, когда стало трудно, вспоминала: кто-то ещё стоял до неё. Кто-то ещё устал. Кто-то ещё не ушёл.

***

Она помнит, как бабушка рассказывала ей сказку о первой.

Это было в июне. Соня сидела на шестке, а бабушка месила хлеб. Руки у неё были в муке, белые до локтя. Левая уже тогда не поднималась выше плеча. Но месила она обеими. Упрямая.

— Слушай, дитятко, — сказала бабушка. — Не перебивай.

Соня не перебивала.

Сказка

Сказка о первой

Давно это было. Так давно, что и деревни не было. Был лес, было поле, была река. И жила женщина. Имени у неё не было. Не то чтобы забыли. Она его никому не говорила. Боялась. Кто имя знает — тот позовёт. А кто позовёт — тот заберёт.

Пришли к ней люди. Говорят:

— За полем стоит кто-то. Ходит. Машет. Сделай что-нибудь.

Она сказала:

— Я не умею.

Они сказали:

— Тогда стой.

Она сказала:

— Сколько?

Они сказали:

— Пока стоит.

Она вышла и встала.

Стояла день. Стояла два. На третий у неё замёрзли ноги. На седьмой она перестала их чувствовать. На девятый — перестала чувствовать руки. На сороковой — перестала чувствовать лицо. Но стояла.

Люди приносили ей хлеб. Она не ела. Боялась: сядет — поле пойдёт. Люди приносили воду. Она не пила. Боялась: наклонится — поле пойдёт. Люди спрашивали:

— Как тебя зовут?

Она не отвечала. Боялась: назовётся — поле услышит.

Так и стояла. Пока не стала межой. Не умерла — стала. Ноги ушли в землю. Руки стали травой. Лицо стало ветром. А имя осталось в ней, глубоко, как камень в реке. Никто его не достал.

С тех пор межа стоит. И пока она стоит, поле не идёт. А если кто спросит, кто её поставил, — не говори. Не называй. Пусть стоит.

Бабушка закончила. Вытерла руки о передник. Посмотрела на Соню.

— Поняла?

— Поняла.

— Что поняла?

— Что её никто не позвал.

Бабушка долго молчала. Потом сказала:

— Умная. В отца.

И больше ничего не сказала. Соня запомнила. Она рассказывает эту сказку себе каждое утро. Не для того, чтобы вспомнить. Чтобы не забыть, что она не первая.

***

К Варе она идёт в девять.

Два дома — это недалеко. Но идти надо через всю деревню. Соня идёт медленно. В руке — кувшин с молоком. В другой — хлеб, завёрнутый в полотенце.

Деревня молчит. Девять домов. Три живых. Шесть мёртвых. У мёртвых окна заколочены досками. У некоторых крыши провалились. В одном доме, у околицы, выросла берёза. Прямо из пола. Соня видела, как она росла. Сначала тоненькая, как прутик. Теперь — в три обхвата. Берёза стоит в горнице, где раньше стоял стол. Соня не заходит. Не потому, что боится. Потому что не её.

Дорога заросла. По ней не ездят. Автобус перестал ходить в тридцать девятом. Сначала — раз в неделю. Потом — раз в месяц. Потом — никак. Водитель, дядя Коля, умер. Нового не нашли. Молодые уехали. Старые умерли. Так и вышло.

Соня не уехала.

У дома Вари калитка открыта. Соня входит. Двор чистый. Куры ходят. Варя держала двор до последнего. Даже когда не могла встать, просила Соню: «Кур покорми. И двору скажи». Соня кормила. Говорила.

На крыльце она стучит. Три раза. Не по косяку — по двери.

— Варя. Это я.

— Заходи, — говорит Варя. Голос тонкий, сухой. Как бумага.

В доме пахнет болезнью. И молоком. И полынью. Соня кладёт хлеб на стол. Молоко — в крынку. Подходит к постели.

Варя лежит на спине. Маленькая. Сухая. Жёлтая. Одеяло до подбородка. Глаза открыты. Смотрит в потолок.

— Принесла? — спрашивает она.

— Принесла.

— Молоко?

— И хлеб.

— Хлеб — на стол. Молоко — в крынку. Не в чашку. В крынку.

— Сделала.

Варя поворачивает голову. Смотрит на неё. Долго.

— Ты не одна, — говорит она.

— Я знаю.

— Не знаешь. Ты думаешь, что одна. Это разное.

Соня садится на табурет. Берёт Варину руку. Рука сухая, лёгкая, как ветка.

— Ты не умираешь, — говорит Соня.

— Все умирают.

— Ты не умираешь сегодня.

Варя усмехается. Потом кашляет. Долго. Соня держит её. Ждёт. Кашель проходит.

— Я письмо написала, — говорит Варя. — В Кострому. Девчонке.

— Какой девчонке?

— Вериной матери сестра... — Варя замолкает. Дышит. — Не так. Моя племянница. Ленка. Умерла. Давно. У неё дочь. Вера. Двадцать два года. Одна. Я ей написала. Позвала.

— Зачем?

— Дом пустой. Кто-то должен быть.

— Дом не пустой. Я в нём живу.

— Не твой дом пустой. Мой.

Соня молчит.

— Ты не серчай, — говорит Варя. — Я не тебе. Я себе. Я всю жизнь рядом стояла. Смотрела. Не стояла. А теперь лежу и думаю: кто после меня? Ты — одна. Дом — один. Девчонка — одна. Может, вместе не одни.

— Ты её не знаешь.

— Знаю, что одна. Этого хватит.

Варя закрывает глаза. Дышит тяжело. Потом открывает.

— В сундуке, — говорит она. — Под смертным. Коробка. Отдашь ей. Или себе. Как выйдет.

— Что в коробке?

— Бумаги. Мария писала. Я хранила. Думала, сожгу. Не сожгла.

— Почему сейчас?

— Потому что ты выросла. И потому что поле проснулось.

Соня смотрит на неё.

— С чего ты взяла?

— Куры не несутся. Вода в колодце тёплая. И тень твоя стала короче. Я видела.

— Ты не считаешь.

— Я не считаю. Я смотрю. Это разное.

Соня опускает глаза. На левом запястье нитка. Три узла. Она чувствует, как нитка слабеет. Как будто кто-то тянет её с той стороны. Тихо. Осторожно. Она трогает узел. Он не развязан. Но он свободнее, чем вчера.

— Что? — спрашивает Варя.

— Ничего.

— Врёшь.

— Вру.

Варя усмехается.

— Хорошая была хозяйка, — говорит она. — Твоя бабка. Хорошая.

— Да.

— Ты тоже будешь. Если не одна.

Соня не отвечает. Она сидит. Держит руку. За окном светит солнце. Куры ходят по двору. Всё как всегда.

Потом Варя говорит:

— Иди.

— Я посижу.

— Иди. Мне надо поспать. А ты не спишь, когда я сплю.

Соня встаёт. Наклоняется. Целует её в лоб. Лоб сухой, горячий. Как печь.

— Я приду вечером.

— Приходи, — говорит Варя. — Если успеешь.

Соня выходит. Закрывает дверь. Стоит на крыльце. Дышит. Двор пахнет полынью и курами. Где-то далеко, за огородами, стоит поле. Соня не смотрит туда. Она идёт домой.

***

На обратном пути она видит тень.

Тень стоит у межи. Высокая. В плаще. Не двигается. Не машет. Просто стоит. Соня не считает. Она не смотрит на неё долго. Она идёт. Трава под ногами мокрая.

Когда она доходит до калитки, тень всё ещё стоит. Соня закрывает калитку. Задвигает засов. Идёт в дом.

В доме тепло. Печь держит. На столе — тарелки. Четвёртая тарелка тёплая. Соня касается её. Отдёргивает руку. Тарелка тёплая, как тело. Печь не натоплена так, чтобы её согреть. Тарелка была тёплой всё утро.

Соня смотрит на неё. Долго. Потом берёт тряпку. Вытирает тарелку. Ставит на место.

На золе у печи — отпечаток. Соня видит его, когда открывает дверцу, чтобы подложить дров. Отпечаток свежий. Ладонь. Пятипалая. Женская. Длинные пальцы. Соня смотрит на свою руку. Потом на отпечаток. Потом опять на руку.

Это её рука. Но она не касалась золы.

Соня закрывает дверцу. Садится на табурет. Смотрит на огонь. Огонь горит ровно.

— Хозяин, — говорит она. — Что происходит?

Печь молчит. Потом трещит. Полено оседает. Соня ждёт. Больше ничего не происходит.

***

Машина приезжает к вечеру.

Соня слышит её издалека. Сначала — звук, которого давно не было. Мотор. Потом — шины по гравию. Потом — тишина. Машина останавливается у дома Вари.

Соня подходит к окну. На улице сумерки. У калитки Вари стоит такси. Жёлтая машина, мятая, с шашечками. Из неё выходит девушка.

Высокая. Стриженная под мальчика. В куртке. С большой сумкой. Она расплачивается с водителем. Такси уезжает. Девушка остаётся одна.

Она стоит. Смотрит на дом Вари. Потом на дом Сони. Потом — на поле. Долго. Слишком долго.

Её губы двигаются. Соня видит, как она считает.

Соня отходит от окна. В доме темно. Печь горит. Четвёртая тарелка стоит на столе. Тёплая.

Она считала.

Глава 2
Варя

Вера стоит у калитки, когда Соня выходит.

Она не заходит во двор. Держит сумку обеими руками. Смотрит на дом. Потом на Соню. Долго. Не улыбается. Не боится. Просто смотрит.

— Вы Соня? — спрашивает она.

— Соня.

— Я Вера. Варя написала. — Она достаёт из кармана конверт. Мятый, серый. — Вот.

Соня берёт конверт. Не открывает. Вера смотрит на её левую руку. Соня опускает рукав. Поздно.

— Она жива? — спрашивает Вера.

— Жива.

— Я долго ехала. Автобуса нет. Таксист не хотел. Говорит: там дороги нет. Я говорю: есть. Он говорит: была. Я говорю: довезите до околицы. Довёз.

Вера говорит быстро, прямо, не останавливаясь. Как будто боится, что если замолчит — не хватит смелости.

— Вы её внучка? — спрашивает Соня.

— Внучатая племянница. Её сестра — моя бабушка. Умерла. Мама умерла. Я одна.

— Давно?

— Мама — когда мне было четырнадцать. Бабушка — три года назад.

Соня кивает. Она не говорит «сочувствую». Вера тоже не ждёт.

— Пойдёмте, — говорит Соня. — Она ждёт.

Вера заходит во двор. Останавливается. Смотрит на дом. На окна. На трубу. Труба не дымит. Вера хмурится.

— Печь не топлена, — говорит она.

— Варя не встаёт.

— Давно?

— Три дня.

Вера идёт к крыльцу. На крыльце она останавливается. Кладёт руку на косяк. Не стучит. Просто держит. Соня смотрит на её руку. Пальцы длинные. Как у Сони. Как у бабушки.

— Тут надо стучать, — говорит Соня.

Вера оборачивается.

— Зачем?

— Хозяин. Он ждёт.

Вера не смеётся. Кивает. Стучит три раза. Сухо. Отчётливо.

— Хозяин, — говорит она. — Я вхожу. Не серчай.

Соня смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Кто тебя научил?

— Никто. Я просто... — Вера пожимает плечами. — Так надо. Я чувствую.

Соня открывает дверь. Они входят.

***

Варя лежит на спине. Глаза открыты. Она поворачивает голову, когда слышит шаги. Улыбается. Первый раз за три дня.

— Приехала, — говорит она. Голос тонкий, но ясный. — Долго ехала?

— Долго, — говорит Вера. — Дороги нет.

— Дорога есть, — говорит Варя. — Просто по ней не ездят.

Она пытается сесть. Соня подходит, помогает. Варя садится, опираясь на подушку. Смотрит на Веру. Долго. Потом на Соню. Потом опять на Веру.

— Похожа, — говорит она. — На Ленку. Глаза её.

Вера молчит.

— Садись, — говорит Варя. — Соня, дай ей чаю. И хлеба. Она с дороги.

Соня идёт на кухню. Ставит чайник. Слышит, как Варя говорит Вере:

— Ты не бойся. Дом хороший. Сухой. Печь держит. Крыша в одном месте течёт, но это доска. Соня починит.

— Я не собираюсь здесь жить, — говорит Вера. — Я на два дня. Разобрать вещи.

— Все так говорят, — говорит Варя.

Соня приносит чай. Вера садится на табурет. Пьёт. Ест хлеб. Она голодная. Ест быстро, потом останавливается, смотрит на Варю.

— Бабушка Варя, — говорит она. — Почему вы меня позвали?

Варя смотрит на неё. Потом на Соню.

— Потому что дом пустой.

— Дом не пустой, — говорит Вера. — В нём вы.

— Я не дом, — говорит Варя. — Я мебель. Пока стою — стою. Потом вынесут.

Вера не улыбается. Она смотрит на Варю. Потом на Соню. Потом на стол. На столе — три чашки. Четвёртой нет. Соня замечает, что Вера считает. Два раза. Потом отводит взгляд.

— В сундуке, — говорит Варя. — Ключ у Сони. Возьмёшь. Там бумаги. И смертное. Смертное — не трогай. Бумаги — твои.

— Какие бумаги?

— Мария писала. Моя соседка. Восьмая. — Варя смотрит на Соню. — Теперь девятая.

Вера переводит взгляд на Соню.

— Восьмая? Девятая?

— Не сейчас, — говорит Соня.

— Сейчас, — говорит Варя. — Пока я жива.

Она откидывается на подушку. Закрывает глаза. Дышит тяжело.

— Соня, — говорит она. — Останься сегодня. Не уходи.

— Останусь.

— И ты, — говорит Варя Вере. — Ты тоже останься. В боковке. Там чисто.

— Я хотела в гостиницу.

— Гостиницы нет. — Варя открывает глаза. — Есть боковка. Есть диван. Есть дом. Выбирай.

Вера смотрит на Соню. Соня кивает.

— Останусь, — говорит Вера.

Варя улыбается. Закрывает глаза. Через минуту она спит. Или делает вид.

Соня выходит на крыльцо. Вера идёт за ней. Вечер. Небо серое. Поле за огородом стоит. Трава не шевелится.

— Что это за место? — спрашивает Вера.

— Деревня.

— Я не про деревню. — Вера смотрит на поле. — Я про это. Там кто-то есть.

— Есть.

— Кто?

— Не знаю. И не хочу знать.

Вера молчит. Потом говорит:

— Я видела. Когда ехала. На повороте. Стоял человек. Высокий. В плаще. Я думала, грибник. Потом смотрю — плаща нет. То есть плащ есть, а человека нет. Только плащ.

Соня смотрит на неё.

— Ты не испугалась?

— Испугалась. Но не так, как надо. Я подумала: «Вот. Опять». — Вера усмехается. — Я всегда вижу то, чего другие не видят. С детства. Мама говорила: не смотри. Я смотрю.

— Здесь нельзя смотреть.

— Почему?

— Потому что оно смотрит обратно.

Вера поворачивается к полю. Соня берёт её за руку. Отводит.

— Пойдём в дом.

— Я хочу посмотреть.

— Не сейчас. — Соня держит её руку. — Пожалуйста.

Вера смотрит на неё. Потом на поле. Потом опять на Соню. Кивает.

Они входят в дом. Соня закрывает дверь. Задвигает засов. В сенях темно. Пахнет полынью. Вера стоит. Дышит.

— Чем это пахнет? — спрашивает она.

— Полынью.

— Горько.

— Так надо.

***

Варя умирает перед рассветом.

Соня спит на полу в её комнате. На полу, не на кровати. Так она спала в детстве, когда бабушка болела. Вера — в боковке. Дверь открыта. Слышно, как она дышит.

Соня просыпается от того, что нитка тянет. Не больно. Тихо. Как будто кто-то взял за конец и потянул. Один раз.

Она садится. Смотрит на Варю. Варя лежит на спине. Глаза открыты. Смотрит в потолок. Рука Сони в её руке. Холодная.

Соня не помнит, как взяла её за руку. Помнит, что сидела у постели. Помнит, как Варя дышала. Потом дыхание стало тише. Потом его не стало. Соня ждала. Долго. Потом легла рядом. На пол. Не выпуская руку.

Она смотрит на Варю. Долго. Потом встаёт. Наклоняется. Закрывает ей глаза. Ладонью. Осторожно. Как учила бабушка.

— Спи, — говорит Соня. — Я посторожу.

Глаза не открываются. Соня ждёт. Потом убирает руку.

Левая рука Вари лежит поверх одеяла. Сухая. Лёгкая. Пальцы раскрыты. Ладонь вверх. Пустая. Чистая. Ни земли, ни нитки, ни хлеба. Как будто Варя всё отдала. Всё, что было, — отдала. И ничего не оставила себе.

Соня касается ладони. Холодная. Но мягкая. Как земля под первым снегом.

Она берёт с гвоздя белый платок. Накрывает Варю. До подбородка. Потом до лица.

Вера стоит в дверях. Босая. В рубашке. Смотрит.

— Когда? — спрашивает она.

— Только что.

Вера подходит. Смотрит на белый платок. Потом на Соню.

— Ты не плачешь.

— Нет.

— Почему?

— Потому что я её знала. — Соня поправляет край платка. — Плакать — это для тех, кто не знал.

Вера не отвечает. Она садится на пол. Около кровати. Берёт руку Вари. Через платок. Держит.

— Я её почти не знала, — говорит она. — Два раза видела. В детстве. Она приезжала. Привозила варенье. И всё.

— Она тебя ждала.

— Почему она меня позвала?

— Потому что ты одна.

Вера смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Ты тоже одна?

Соня не отвечает. Она встаёт. Идёт в сени. Открывает сундук. Достаёт смертное. Белую рубаху. Платок. Полотенце. Кусок мыла. Варя приготовила это давно. Ещё весной. Сказала: «Когда придёт время — возьмёшь».

Время пришло.

***

Они обмывают её вдвоём.

Соня разводит воду в корыте. Тёплую. Не горячую. Вера держит голову. Соня моет лицо. Осторожно. Как будто Варя спит и может проснуться.

— Я видела, как умирает мама, — говорит Вера. — Я была одна. Мне было четырнадцать. Я не знала, что делать. Я держала её за руку и говорила: «Мама, не надо». Она умерла. Я ещё долго держала.

Соня молчит. Моет руки. Правую. Левую. Пальцы у Вари тонкие, как ветки. Ногти чистые. Она держала их в чистоте до последнего.

— Ты не боишься? — спрашивает Соня.

— Нет.

— Хорошо.

— А ты?

— Я привыкла.

Вера смотрит на неё.

— К смерти?

— К рукам.

Они надевают на Варю белую рубаху. Длинную. До пят. Платок повязывают. Белый. Под подбородок. Волосы расчёсывают. Седая прядь ложится на белое. Как река на снегу.

Вера стоит. Смотрит.

— Красивая, — говорит она.

— Да.

— Она была красивая?

— В молодости — очень.

— Ты её любила?

Соня завязывает последний узел. Разглаживает платок.

— Да, — говорит она. — Она была мне вместо матери. Восемнадцать лет.

Вера отворачивается. Смотрит в окно. Утро. Серое. Туман.

— Значит, теперь ты одна, — говорит она.

Соня не отвечает.

***

Хоронят на третий день.

Приходят тётя Шура и тётя Катя. Старые. В тёмных платках. Они не спрашивают, как умерла Варя. Они спрашивают, где умывальник и где чистые тряпки. Соня отвечает. Они разводят воду. Моют пол. Проветривают дом.

Гроб сколотил таксист. Тот самый, что привёз Веру. Он приехал на следующий день — Вера позвонила с бугра. Привёз гроб, сколоченный из сухих досок. Сказал: «Варвара Петровна меня в детстве лечила. Отваром. Я не забыл». Он не взял денег.

Могилу копали на бугре. Рядом с Марией. Земля была сухая. Тяжёлая. Таксист и его брат копали молча. Соня стояла и смотрела. Ей не давали копать. Она не просилась.

Попа не было. Варя не ходила в церковь. Читали сами. По старой книге. Без начала и без конца. Женщины пели. Тихо. Нескладно. Но пели.

Соня стояла у гроба. Она не плакала. Она смотрела на Варино лицо. Белое. Спокойное. Моложе, чем вчера. Как будто Варя наконец легла. И её никто не будит.

Вера стояла рядом. Плакала. Тихо, без всхлипов. Слёзы шли и шли. Она не вытирала.

Когда гроб опустили, Соня взяла горсть земли. Земля была холодная. Она бросила её вниз. Комья стукнули о крышку. Тук. Тук.

— Спи, — сказала Соня. — Я посторожу.

Никто не удивился, что она сказала это вслух. Тётя Шура положила руку ей на плечо. Тяжёлую. Тёплую. Как бабушкина.

За полем стояли тени. Соня не считала. Она видела высокого в плаще. Он не подходил. Он стоял и смотрел. Это было всё, что он делал. Соня отвернулась.

Вера смотрела на поле. Долго. Соня взяла её за руку.

— Не считай, — сказала она.

— Я не считаю.

— Врёшь.

— Вру.

Соня сжала её руку. Вера не отняла.

***

После похорон пришли в дом. Женщины принесли кисель, хлеб, кашу. Сели за стол. Четыре тарелки Соня не убрала. Четвёртую оставила. Никто не спросил, для кого она. Все знали. Никто не сказал.

Ели молча. Потом стали говорить. Про Варю. Вспоминали.

— Она мне корову выходила, — сказала тётя Шура. — Когда та телилась и не могла. Варя пришла ночью. Руки в муке. Говорит: «Дай мне сена». Я дала. Утром корова встала.

— Она мне говорила: не оборачивайся, когда мимо межи идёшь, — сказала тётя Катя. — Я не оборачиваюсь. Тридцать лет.

— А мне сказала: «Хлеб в колодец бросай. Каждое утро». Я бросаю.

Вера слушала. Она не знала, что Варя говорила это другим. Она думала, что это только для неё. Оказалось — для всех. Просто они не называли это должностью. Они называли это: «Варя сказала».

Соня сидела рядом. Ела. Молчала. Потом сказала:

— Хорошая была хозяйка.

И всё. Больше никто ничего не сказал. Это была самая большая похвала, которую Вера слышала в жизни.

***

К вечеру ушли. Вера осталась. Она стояла в горнице. Смотрела на стол. На четыре тарелки.

— Я думала, это примета, — сказала она. — Четыре тарелки. На удачу.

— Нет.

— А что?

— Гость.

— Какой гость?

— Тот, кто ждёт.

Вера посмотрела на четвёртую тарелку. На хлеб. Потом на Соню.

— Он придёт?

— Придёт.

— Когда?

— Когда назовут.

Вера открыла рот. Соня подняла руку.

— Не сейчас. Не сегодня. — Она взяла тарелку. Убрала в шкаф. — Завтра.

Вера кивнула. Села на лавку. Посмотрела на печь. На огонь. Долго.

— Соня, — сказала она. — Расскажи сказку.

Соня обернулась.

— Какую?

— Любую. Бабушка Варя говорила, что ты умеешь.

Соня помолчала. Потом села напротив. Подложила дров. Огонь взялся сразу.

— Слушай, — сказала она. — Не перебивай.

Сказка

Сказка о второй

Жила женщина. У неё не было дома. Была землянка, была река, было поле. А дома не было.

Пришла она к меже и подумала: поставлю дом здесь. Чтобы видеть поле. Чтобы поле видело меня. Чтобы никто не подошёл незамеченным.

Срубила лес. Вытесала брёвна. Поставила сруб. Прорубила три окна. Одно — на восток. Одно — на юг. Одно — на запад. На север окна не было. На севере было поле.

Дом получился крепкий. Тёплый. Печь сложила сама. Трубу вывела выше крыши. Стала жить.

Каждое утро она выходила на крыльцо и кланялась. Каждый вечер выходила и говорила: «Спи, дом. Спи, двор. Спи, вода. Я стою».

Однажды она замешкалась. Замесила тесто, поставила в печь, села ждать. И не вышла на крыльцо. Забыла.

Поле подошло к самому забору. Тихо. Без ветра. Трава легла. Дом почувствовал. Дом скрипнул. Женщина выбежала. Увидела поле. Сказала:

— Я здесь.

Поле остановилось. Постояло. Отступило.

С тех пор она не забывала. Ни разу. Даже когда болела. Даже когда спала. Она просыпалась до солнца и выходила.

А потом она умерла.

Дом остался. Пустой. Поле подошло к забору. Дом скрипел. Половицы ходили. Печь остыла. Поле ждало.

Через год пришла другая женщина. Молодая. Она вошла в дом. Дом её не пустил. Двери не открылись. Женщина села на крыльцо и заплакала.

Тогда из дома вышел старик. Сосед. Сказал:

— Ты не плачь. Ты скажи.

— Что сказать?

— Скажи: «Я стою».

Женщина сказала. Дверь открылась. Печь затопилась. Дом принял.

Она жила в нём сорок лет. Каждое утро выходила. Каждый вечер говорила. Дом её помнил. Поле её знало. Она умерла в доме. Тихо. Во сне.

Дом стоит до сих пор. Четыре окна. Четвёртое — на север. Его не было. Оно появилось само. Когда дом понял, что кто-то должен смотреть.

Соня закончила. Огонь трещал. Вера сидела неподвижно.

— Четвёртое окно, — сказала она. — Это то, которое она не прорубила?

— Да.

— Кто его прорубил?

— Дом.

Вера посмотрела на окно. На северной стене. Оно было. Соня знала, что оно было. Она видела его каждый день. Но никогда не задумывалась, откуда оно.

— Соня, — сказала Вера. — А сколько окон в этом доме?

Соня не ответила. Она встала. Подложила дров. Огонь взялся сразу. Слишком быстро. Как будто ждал.

— Иди спать, — сказала она. — Завтра тяжёлый день.

Вера встала. Пошла в боковку. Остановилась в дверях.

— Соня.

— Что?

— Я останусь. Не на два дня. Пока не разберусь.

Соня смотрела на огонь.

— До снега, — сказала она.

— До снега, — согласилась Вера.

Она ушла. Соня осталась у печи. Смотрела на огонь. Долго.

***

Ночью в доме Вари кто-то ходит.

Соня слышит. Она не спит. Она никогда не спит крепко. Сначала — шаги в сенях. Медленные. Босые. Потом — скрип половицы. Потом — тишина. Потом — снова шаги. Наверху.

Соня садится. Смотрит в окно. В доме Вари горит свет. Одно окно. Вера не спит. Но шаги не в её комнате. Шаги на чердаке.

Чердак у Вари пустой. Там сушатся травы. Там стоит старый сундук. Там нет пола? Пол есть. Но там никто не ходит.

Шаги останавливаются. Потом начинаются снова. Медленно. Взад-вперёд. Как будто кто-то ходит и ждёт.

Соня встаёт. Надевает платье. Выходит на крыльцо. Ночь холодная. Звёзды. Дорога серая. У дома Вари — свет. Вера стоит у окна. Смотрит на неё.

Соня подходит. Вера открывает дверь. Бледная.

— Ты слышишь? — спрашивает она.

— Слышу.

— Кто это?

Соня смотрит на лестницу. На чердак. Лестница старая. Ступени скрипят.

— Варя говорила, — тихо говорит Соня. — На чердаке живёт тот, кто считает.

— Кто?

— Не знаю. Она не называла.

— А если я поднимусь?

— Не поднимайся.

— А если он спустится?

Соня берёт её за руку. Отводит от лестницы.

— Тогда не считай, — говорит она. — И не отвечай.

Шаги наверху останавливаются. Тишина. Долгая. Потом — скрип. Одна ступень. Другая. Кто-то спускается.

Соня смотрит на лестницу. Вера смотрит на лестницу. В доме темно. Свет от окна. Тень на стене. Длинная. Не от них.

Соня делает шаг вперёд. Закрывает собой Веру.

— Хозяин, — говорит она. — Это я. Соня. Не серчай.

Шаги останавливаются. Тень на стене стоит. Потом медленно уходит. Вверх. По ступеням. Скрип. Скрип. Скрип. Тишина.

Вера выдыхает.

— Он тебя послушал, — говорит она.

— Не он.

— А кто?

Соня смотрит на лестницу. На пыль. На ступенях — следы. Босые. Женские. Маленькие. Как у ребёнка. Но их много. Слишком много. Как будто по лестнице ходили сто лет.

— Дом, — говорит Соня. — Дом привыкает.

Она уводит Веру в комнату. Закрывает дверь. Садится на стул. Не спит. До утра.

Утром на чердаке находят сундук. Открытый. Внутри — бумаги. Старые. Пожелтевшие. И фотография. На фотографии — молодая Варя. Рядом с ней — молодая Мария. Обе смеются. Между ними — пустое место. Кто-то вырезан.

Соня смотрит на пустое место. Долго. Потом закрывает сундук.

Глава 3
Гостья

Утром Вера приносит фотографию.

Она входит без стука. Соня слышит шаги на крыльце, но не успевает встать. Вера уже в горнице. В руке — картонка. Края обтрёпаны. На картонке — две женщины. Молодые. Смеются. Между ними — белое место. Вырезано аккуратно. По контуру.

— Кто это? — спрашивает Вера.

Соня берёт фотографию. Смотрит. Варя. Молодая, круглолицая, в платке. Мария. Молодая, темноволосая, с белой прядью у виска. Улыбается. Соня не помнит её такой. Она помнит её старой. Усталой. С сухой левой рукой.

— Бабушка, — говорит Соня. — И Варя.

— А между ними?

— Никого.

— Там кто-то был.

— Был.

— Кто?

Соня кладёт фотографию на стол. Лицом вниз.

— Его нет.

— Умер?

— Хуже.

— Что хуже смерти?

— Ждать.

Вера смотрит на неё. Долго. Потом берёт фотографию. Переворачивает. Смотрит на белое место.

— Это он? Тот, в плаще?

— Не знаю.

— Как не знаешь?

— Я его не видела. Я видела тень. Может, это он. Может, нет. — Соня пожимает плечами. — Не называй.

— Как? У него есть имя?

— Есть. Но его нельзя говорить.

— Почему?

— Потому что он придёт.

Вера молчит. Потом кладёт фотографию на стол. Лицом вниз. Как Соня.

— Ладно, — говорит она. — Не буду.

Соня смотрит на неё. Вера не смеётся. Не крутит пальцем у виска. Она просто стоит. И это хуже всего. Если бы она смеялась — её можно было бы выгнать. Она не смеётся.

— Пойдём, — говорит Соня. — Поможешь.

***

Они идут к колодцу.

Утро. Солнце уже встало. Трава мокрая. Вера идёт босиком. Соня сказала: «Надень обувь». Вера сказала: «Земля тёплая». Соня не спорила. Земля не тёплая. Земля холодная. Но Вера идёт. И не жалуется.

У колодца Соня достаёт хлеб. Бросает в воду.

— Хлеб тебе, — говорит она. — Ребёнка не тронь.

Вера смотрит.
— Кому это?
— Воде.
— Вода — это кто?
— Вода — это вода. — Соня закрывает колодец. — Не пей из неё.
— Почему?
— Потому что она помнит.
Вера смотрит на колодец. Потом на Соню. Потом опять на колодец.
— А если я выпью?
— Не пей.
— А если всё-таки?
Соня берёт её за руку. Отводит от колодца.
— Тогда она тебя запомнит.
— И что?
— Тогда ты будешь ей сниться.
Вера усмехается.
— Мне уже снятся странные сны.
— Какие?
— Всякие. — Вера отпускает её руку. — Я привыкла.
Соня смотрит на неё. Долго. Потом говорит:
— Здесь нельзя привыкать. Здесь надо бояться.
— А ты боишься?
— Да.
— Чего?
— Того, что привыкну.
Они возвращаются в дом. Соня ставит чайник. Вера садится за стол. Смотрит на четыре тарелки.
— Четвёртая, — говорит она. — Для кого?
— Для гостя.
— Гость не приходит.
— Придёт.
— Когда?
— Когда назовут.
Вера смотрит на неё. Потом на тарелку. На хлеб. Потом опять на Соню.
— Ты его ждёшь?
— Нет.
— А зачем ставишь?
— Потому что если не ставить — он придёт сам.
Вера кивает. Как будто это имеет смысл. Может, имеет.
Соня садится напротив. Наливает чай. Долго молчит. Потом говорит:
— Я скажу тебе правила. Один раз. Слушай.

Правило

- Не считать. Ни тени, ни тарелки, ни шаги, ни дни.
- Не называть тех, кто за межой. Ни вслух, ни про себя.
- Не оборачиваться, если позовут с поля.
- Не пить из колодца. Не брать из-за межи.
- Не открывать подпол. Не утешать плачущую под полом.

- Не отвечать, если голос не тот. Даже если он похож.

- Кормить в срок. Утром и вечером.

- Стоять. Пока стоишь — никто.

Вера читает. Губами. Медленно. Потом поднимает глаза.

— Восемь правил, — говорит она.

— Не считай.

— Это правило. Я запоминаю.

— Запоминай. Но не считай.

— Как это?

— Не считай, сколько правил. Просто делай.

Вера кивает. Потом говорит:

— А если я забуду?

— Забудешь — напомнят.

— Кто?

— Поле.

Вера смотрит на окно. За окном — двор. За двором — огород. За огородом — межа. Поле стоит. Трава не шевелится.

— Ладно, — говорит Вера. — Не забуду.

***

Днём приходят тётя Шура и тётя Катя.

Они не заходят в дом. Стоят у калитки. В руках — крынка молока и узел с хлебом. Соня выходит. Берёт.

— Здравствуй, Соня, — говорит тётя Шура.

— Здравствуйте.

— Варю схоронили. Хорошо схоронили.

— Да.

— Ты одна теперь.

— Одна.

Тётя Катя смотрит на дом. Потом на крыльцо. На Вере — она стоит в дверях. Босая. В Вериной куртке. Смотрит на них.

— Кто это? — спрашивает тётя Шура.

— Вера. Внучатая племянница Вари.

— Видит?

Соня молчит.

— Видит, — говорит тётя Шура. Это не вопрос.

— Видит.

Тётя Катя вздыхает. Долго. Как будто несёт мешок.

— Плохо, — говорит она.

— Я знаю.

— Ты её выгони.

— Пытаюсь.

— Плохо пытаешься.

Соня смотрит на молоко. На крынку. Глина тёмная, холодная.

— Она одна, — говорит Соня. — Как я.

Тётя Шура смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Вот поэтому и выгони. Пока не поздно.

— Поздно, — говорит Соня. — Она уже видит.

Тётя Шура крестится. Тётя Катя крестится. Обе медленно. Потом уходят. Не оборачиваются.

Соня стоит у калитки. Смотрит им вслед. Потом заходит в дом.

Вера сидит за столом. Смотрит на неё.

— Они меня боятся, — говорит она.

— Не тебя. То, что ты видишь.

— А ты?

— Что я?

— Ты меня боишься?

Соня ставит молоко на стол. Садится.

— Да, — говорит она.

— Почему?

— Потому что ты не уезжаешь.

***

Вечером Вера идёт к колодцу.

Соня не видит. Она в сарае. Кормит кур. Слышит — ведро скрипит. Один оборот. Другой. Потом тишина. Потом плеск.

Она выбегает. Вера стоит у колодца. В руке — кружка. Вода на губах. На подбородке. Она пьёт.

— Вера!

Вера оборачивается. Глаза широкие. Кружка падает. В воду. Тонет.

— Я не... — говорит Вера. — Я просто хотела...

Соня подбегает. Хватает её за плечи. Трясёт.

— Ты пила?

— Один глоток.

— Один?

— Один.

Соня отпускает её. Отступает. Смотрит на колодец. Вода стоит. Гладкая. Ни кругов. Ни ряби. Как стекло.

— Что ты видишь? — спрашивает Соня.

— Ничего.

— Врёшь.

— Вру. — Вера смотрит в воду. — Там женщина.

Соня подходит. Смотрит. В воде — небо. Серое. И их лица. Два. Соня и Вера. Рядом. И третье. Между ними. Глубоко. Белое. Как рыба.

— Пойдём, — говорит Соня.

— Кто это?

— Пойдём.

Она берёт Веру за руку. Уводит. Вера идёт. Оборачивается. Смотрит на колодец. Потом на Соню.

— Она меня видела, — говорит Вера.

— Да.

— Кто она?

— Та, что помнит.

***

Ночью Вере снится женщина на воде.

Соня слышит, как она ворочается. Вера спит в боковке. Дверь открыта. Соня лежит на полу в горнице. Не спит.

Вера стонет. Тихо. Потом говорит во сне:

— Мама.

Соня встаёт. Подходит. Вера лежит на спине. Глаза закрыты. Дышит часто. Руки вытянуты. Пальцы сжаты.

— Вера, — говорит Соня. — Проснись.

Вера не просыпается. Говорит:

— Я иду.

Соня берёт её за руку. Вера сжимает. Сильно. До боли.

— Вера.

Вера открывает глаза. Смотрит на Соню. Не узнаёт. Потом узнаёт. Выдыхает.

— Соня.

— Я.

— Я видела воду. И женщину. Она шла по воде. Как по полу. Босая. В рубашке. Я стояла на берегу. Она поманила. Я пошла.

— Ты не пошла.

— Пошла. Во сне.

Соня садится на край постели. Держит её руку.

— Что ещё?

— Она сказала: «Ты не она».

— Кто не она?

— Я. Она сказала: «Ты не она. Но ты можешь быть».

Соня молчит. Долго. Потом говорит:

— Это не сон.

— А что?

— Приглашение.

Вера смотрит на неё. В темноте глаза блестят.

— Я не хотела.

— Знаю.

— Я просто хотела понять.

— Поняла?

— Нет. — Вера отворачивается. — Я хотела, чтобы оно меня заметило. Как будто я здесь не просто так.

Соня гладит её по руке. Осторожно. Как гладила бабушка.

— Ты здесь не просто так, — говорит она. — Поэтому оно тебя и заметило.

***

Утром Вера выходит на крыльцо.

Соня в доме. Слышит, как открывается дверь. Потом — тишина. Долгая. Потом Вера говорит:

— Здравствуй.

Соня выбегает.

Вера стоит на крыльце. Босая. Смотрит на межу. Соня смотрит туда же.

У межи стоит тень. Высокая. В плаще. Не двигается.

— Не отвечай, — говорит Соня.

— Я не отвечаю. Я здороваюсь.

— Это одно и то же.

Тень поднимает руку. Медленно. Машет. Один раз. Как будто здоровается.

Вера поднимает руку. Соня хватает её. Прижимает к груди.

— Не махай.

— Почему?

— Потому что оно запомнит.

Тень стоит. Рука опускается. Потом тень поворачивается. Уходит. Медленно. В поле. Трава не шевелится. Она просто идёт. Как будто поле её несёт.

Вера смотрит. Долго.

— Оно всегда там? — спрашивает она.

— Всегда.

— Оно ждёт?

— Ждёт.

— Чего?

— Чтобы его назвали.

Вера молчит. Потом говорит:

— А если не называть?

— Тогда оно будет ждать.

— Всегда?

— Всегда.

Вера смотрит на поле. Потом на Соню.

— Это очень одиноко, — говорит она.

Соня не отвечает. Она думает: это очень одиноко. Но она не говорит. Потому что если сказать — можно заплакать. А ей нельзя.

***

Вечером Соня рассказывает сказку о третьей.

Они сидят у печи. Вера — на табурете. Соня — на полу. Огонь горит. В доме тепло. Пахнет хлебом.

— Слушай, — говорит Соня. — Не перебивай.

Сказка

Сказка о третьей

Жила женщина. У неё был дом, было поле, была межа. Не было воды. Колодец был, да пересох. Река была, да далеко. Она ходила к реке с вёдрами. Каждый день. Утром и вечером. Носила воду в дом. Поила кур. Варила кашу. Мыла полы.

Однажды она устала. Сказала:

— Выкопаю колодец. Будет вода близко.

Взяла лопату. Пошла во двор. Выбрала место — между домом и баней. Стала копать.

Копала день. Копала два. На третий — пошла вода. Тёмная. Холодная. Женщина обрадовалась. Опустила ведро. Достала. Вода в ведре стояла гладкая. В ней — небо. Серое. И её лицо.

Женщина напилась. Вода была сладкая. Как никогда.

Ночью ей приснилась женщина в воде. Босая. В рубашке. Стояла на дне. Смотрела вверх. Сказала:

— Спасибо, что пришла.

Утром хозяйка рассказала соседке. Соседка сказала:

— Ты не пей из колодца. Там вода не наша.

— А чья?

— Не наша.

Хозяйка не послушала. Вода была сладкая. Она пила каждый день. Куры пили. Дом пил. Вода была близко. Это было удобно.

Через месяц она увидела в колодце лицо. Не своё. Женское. Спокойное. Оно смотрело на неё снизу. Не мигало.

Хозяйка испугалась. Закрыла колодец крышкой. Придавила камнем. Перестала пить. Но было поздно. Вода уже была в ней. Вода уже её помнила.

Однажды утром она вышла к колодцу. Крышка была сдвинута. Ведро стояло на краю. Полное. Вода в ведре стояла гладкая. В ней было лицо. Её лицо. Только глаза — не её. Чужие.

Женщина наклонилась. Долго смотрела. Потом сказала:

— Я не ты.

Лицо в воде улыбнулось. Сказало:

— Пока нет.

Хозяйка отошла. Села на крыльцо. Просидела до вечера. Вечером вышла на межу. Сказала слова. Вернулась. Легла спать. Утром не проснулась.

Её похоронили на бугре. Колодец засыпали. Но вода осталась. Она всегда остаётся. Она ждёт, когда кто-нибудь снова выкопает.

С тех пор в этот колодец не пьют. Хлеб бросают. Говорят: «Хлеб тебе. Ребёнка не тронь». А воду берут из реки. Выше по течению. До первого омута.

Соня замолчала. Огонь трещал.

— Она умерла? — спросила Вера.

— Умерла.

— Из-за воды?

— Из-за того, что пила.

Вера смотрит на свою кружку. На чай. Отставляет.

— Я пила, — говорит она.

— Знаю.

— Я умру?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я не дам.

Вера смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— А если не сможешь?

Соня встаёт. Подкладывает дров. Огонь берётся сразу.

— Смогу, — говорит она. — Я восемнадцать лет стою.

***

Ночью Соня просыпается от запаха.

Пахнет не полынью. Не дымом. Пахнет водой. Тёплой. Сладкой. Как из колодца.

Она встаёт. Идёт к печи. Открывает дверцу.

На золе — отпечаток. Свежий. Ладонь. Пятипалая. Женская. Соня смотрит. Потом на свою руку. Не её. Пальцы короче. Мизинец чуть в стороне. На указательном — шрам. Маленький. Белый. Полумесяцем.

У Веры на указательном пальце шрам. Соня видела его утром. Вера резала хлеб. Порезалась. Сказала: «С детства. Мама в детстве дверью прищемила».

Соня смотрит на отпечаток. Долго. Потом закрывает дверцу.
— Нет, — говорит она.
Печь молчит. Потом трещит. Полено оседает. Соня стоит. Смотрит на огонь.
— Нет, — повторяет она. — Не она.
Огонь горит ровно. Слишком ровно. Как будто слушает.

Глава 4
Мать

Тридцатого августа Соня идёт на бугор.

Утро. Туман. Трава мокрая. Соня идёт медленно. В руке — хлеб. В другой — красная нитка. Не своя. Свою она не снимает. Это нитка для креста.

На бугре тихо. Водонапорная башня стоит, ржавая, наклонившаяся. Кладбище за ней. Маленькое. Пять крестов. Шесть. Соня не считает. Она знает, где могила.

Крест Евдокии — старый, покосившийся. Дерево почернело. Буквы стёрлись. Соня поправляет крест. Каждый год поправляет. Он снова клонится. Как будто хочет лечь.

Рядом — могила Марии. Земля осела. Холмик невысокий. На кресте — табличка. Жестяная. Соня сама прибивала. «Мария Тимофеевна. 1950–2026». Буквы выцвели. Соня подкрашивает их каждый год. Чёрным. Аккуратно.

Она кладёт хлеб на могилу. Привязывает нитку к кресту. Три узла. Не для счёта. Для памяти.

— Здравствуй, бабушка, — говорит она.

Тишина. Ветер. Башня скрипит.

— У нас Варя умерла. В августе. Тихо. Я обмыла. Похоронила. Рядом с тобой. Ты, наверное, знаешь.

Ветер шевелит траву. Соня стоит. Смотрит на крест.

— Приехала девчонка. Верина. Варя её позвала. Она видит. Я не знаю, что делать. Гнать — не гонится. Учить — нельзя. Она одна. Как я.

Соня замолкает. Потом говорит тише:

— Я не хочу, чтобы она осталась. И не хочу, чтобы уехала. Как это, бабушка? Ты знала?

Крест молчит. Соня стоит. Долго. Потом кланяется. Низко.

— Я стою, — говорит она. — Пока стою.

Она уходит. Не оборачивается.

***

Машина приезжает к обеду.

Соня слышит мотор. Выходит на крыльцо. У калитки стоит такси. Серое. Мятое. Из него выходит женщина.

Высокая. Худая. В светлом пальто. В городских сапогах. Волосы коротко стрижены. Лицо усталое. Красивое. Знакомое.

Она стоит у калитки. Не заходит. Смотрит на дом. На окна. На трубу. Потом на Соню.

— Соня, — говорит она.

— Здравствуй, мама.

Ольга делает шаг. Потом останавливается. Стоит. Руки в карманах. Плечи напряжены.

— Ты выросла.

— Да.

— Я не... — Она замолкает. — Я не знала, что ты уже такая.

— Какая?

— Взрослая.

Соня не отвечает. Она стоит на крыльце. Босая. В тёмном платье. Руки опущены. Левая — в рукаве. Правой она держится за косяк.

— Можно войти? — спрашивает Ольга.

— Входи.

Ольга отворяет калитку. Идёт по двору. Медленно. Смотрит. На колодец. На сарай. На куры. На грядки. Всё как было. Всё не так.

На крыльце она останавливается. Кладёт руку на косяк. Не стучит. Смотрит на Соню.

— Тут надо стучать, — говорит Соня.

— Я помню.

Ольга стучит. Три раза. Тихо.

— Хозяин, — говорит она. — Это я. Оля.

Двор молчит. Потом петух кричит. Один раз. Ольга вздрагивает.

— Он меня не узнал, — говорит она.

— Он тебя не знает.

Ольга входит. Соня идёт за ней.

В горнице Ольга останавливается. Смотрит на стол. На четыре тарелки. На хлеб в четвёртой. Долго.

— Ты всё ещё ставишь, — говорит она.

— Ставлю.

— Зачем?

— Так надо.

— Кому?

— Дому.

Ольга закрывает глаза. Открывает. Потом ставит на стол сумку. Расстёгивает. Достаёт папку. Кладёт перед Соней.

— Что это?

— Бумаги. Я нашла покупателя. Хороший дом в Костроме. Или квартира в Москве. Я помогу с первого взноса. Ты сможешь учиться. Работать. Жить.

Соня смотрит на папку. Не открывает.

— Я не продаю.

— Соня.

— Я не продаю.

— Послушай меня. — Ольга садится на лавку. — Тебе двадцать шесть. Ты живёшь одна в деревне, где никого нет. У тебя нет работы. Нет семьи. Нет...

— У меня есть дом.

— Дом — это не жизнь.

— Для тебя — нет. Для меня — да.

Ольга смотрит на неё. Долго. Потом говорит:

— Я не хочу ссориться. Я приехала помочь.

— Ты приехала продать.

— Я приехала вытащить тебя отсюда.

— Меня не надо вытаскивать.

— Надо. — Ольга наклоняется. — Соня, посмотри на себя. Ты босая. Ты в старом платье. Ты говоришь с домом. Ты ставишь еду покойникам. Это не жизнь. Это...

— Что?

— Это болезнь.

Соня молчит. Потом кладёт руку на стол. Левую. Закатывает рукав.

Кожа тёмная. От запястья до пальцев. Как земля. Как кора. Как что-то, что не её.

Ольга смотрит. Долго. Потом берёт её руку. Поворачивает. Трогает. Кожа холодная.

— Что это?

— Плата.

— За что?

— За тебя.

Ольга отпускает руку. Отшатывается.

— За меня?

— Ты уехала. Кто-то должен был остаться.

— Я не просила...

— Не просила. Но так вышло.

Ольга встаёт. Отходит к окну. Стоит спиной. Плечи дрожат.

— Я хотела тебя забрать, — говорит она. — Ты помнишь?

— Помню.

— Мы приехали. На следующий день. Я собрала твои вещи. Ты села на пол и не встала. Я несла тебя. Ты вырывалась. Я донесла до калитки. Потом... — Она замолкает.

— Потом машина не завелась, — говорит Соня.

— Да.

— И вы пошли пешком.

— Да.

— И я села на дорогу.

— Да.

— И ты меня оставила.

Ольга оборачивается. Глаза мокрые.

— Я не оставила. Я испугалась.

— Чего?

— Тебя. — Ольга вытирает глаза. — Ты смотрела на меня. Не как ребёнок. Как... как будто ты уже всё знала. И я подумала: если я тебя заберу, что-то случится. Что-то страшное. Я не знала что. Я испугалась.

Соня смотрит на неё. Долго.

— Я тоже испугалась, — говорит она. — Тогда. Ночью. Когда осталась одна.

Она встаёт. Подходит к печи. Открывает дверцу. Огонь горит.

— Ты не виновата, — говорит Соня. — И я не виновата. Так вышло.

— Я могла остаться.

— Могла.

— Почему не осталась?

— Потому что кто-то должен был жить. — Соня закрывает дверцу. — Ты уехала. Ты жила. Я рада.

Ольга смотрит на неё. Потом садится. Медленно. Как будто у неё подкосились ноги.

— Я не жила, — говорит она. — Я все эти годы... Я каждую ночь видела поле. Я просыпалась и смотрела в окно. В Москве. В окно. А там стена. Я смотрела на стену и думала: там кто-то стоит. Я не знала кто. Я не хотела знать.

Соня садится напротив. Держит кружку. Не пьёт.

— Теперь знаешь.

— Теперь знаю.

Они сидят молча. Долго. За окном светит солнце. Куры ходят по двору. Всё как всегда.

***

Ночью Ольга не спит.

Соня слышит. Боковка за перегородкой. Ольга ворочается. Вздыхает. Потом встаёт. Ходит. Останавливается у окна.

Соня лежит на полу. Не спит. Смотрит в потолок. Трещина на месте. Похожа на реку.

Потом Ольга говорит:

— Кто там?

Соня садится. Слушает.

— Кто там? — повторяет Ольга. Громче.

Соня встаёт. Подходит к перегородке. Ольга стоит у окна. Смотрит в поле. Руки на стекле.

— Мама.

Ольга не оборачивается.

— Там женщина, — говорит она. — В красном платке.

Соня подходит к окну. Смотрит.

У межи стоит женщина. В красном платке. В темном платье. Лицо белое. Не разобрать. Она стоит. Не двигается.

— Это бабушка, — говорит Ольга.

— Нет.

— Это её платок. Я помню. Она его носила. Всегда.

— Это не она.

— Она поёт, — говорит Ольга. — Слышишь?

Соня слышит. Тихо. Далеко. Женский голос. Старая песня. Без слов. Только мотив.

— Это мама, — говорит Ольга. — Она мне пела. В детстве.

— Мама умерла.

— Я знаю. Но она поёт.

Ольга идёт к двери. Соня хватает её за руку.

— Не выходи.

— Там мама.

— Нет.

— Я слышу.

— Поле умеет петь.

Ольга оборачивается. Смотрит на неё. Глаза широкие. В них — страх. И что-то ещё. Надежда.

— А если это правда она?

— Тогда тем более не выходи.

— Почему?

— Потому что она бы сказала: «Стой».

Ольга замирает. Женщина у межи поднимает руку. Медленно. Машет. Один раз.

Ольга поднимает руку. Соня хватает её. Прижимает к груди.

— Не махай.

— Она машет.

— Она всегда машет.

Женщина опускает руку. Стоит. Потом поворачивается. Уходит. Медленно. В поле. Трава не шевелится. Песня обрывается. Тишина.

Ольга стоит. Дрожит. Соня держит её. Долго.

— Это было? — спрашивает Ольга.

— Было.

— Что это?

— Приглашение.

Ольга смотрит на поле. Потом на Соню.

— Меня?

— Тебя.

— Почему?

— Потому что ты сказала «нет».

Ольга закрывает глаза. Соня уводит её в боковку. Укладывает. Накрывает одеялом. Садится рядом. Не спит. До утра.

***

Утром Ольга говорит:
— Я останусь на неделю.
Соня смотрит на неё.
— На неделю.
— Помогу с домом. С крышей. Потом уеду.
— Хорошо.
— Ты мне не веришь.
— Не верю.
— Почему?
— Потому что ты уже говорила «потом уеду». Восемнадцать лет назад.
Ольга молчит. Потом говорит:
— Я заслужила.
— Да.
Они пьют чай. Молча. Потом Соня говорит:
— Сегодня пойдём на бугор. К бабушке.
— Зачем?
— Поздороваться.
Ольга смотрит на неё. Потом кивает.

***

На бугре Ольга стоит долго.
Смотрит на крест. На табличку. На землю. Потом опускается на колени. Плачет. Тихо. Без всхлипов. Соня стоит рядом. Не трогает.
— Я не приезжала, — говорит Ольга. — Восемнадцать лет. Я не приезжала.
— Приезжала. Один раз. В двадцать седьмом.
— Один раз.
— Мне хватило.
Ольга поднимает голову. Смотрит на неё.
— Ты меня ненавидишь?
— Нет.
— Почему?
— Потому что ненависть — это счёт. А я не считаю.
Ольга вытирает лицо. Встаёт. Смотрит на поле. За бугром. За рекой. Трава стоит.
— Там кто-то есть, — говорит она.
— Есть.
— Он ждёт?
— Ждёт.
— Кого?
— Тебя.
Ольга смотрит на неё. Долго. Потом говорит:
— Я не хочу.
— Я знаю.
— Что мне делать?
— Не отвечать. Не махать. Не называть. И не уезжать до снега.
— А потом?

— Потом посмотрим.

Ольга кивает. Они идут домой. Молча.

***

Вечером Соня рассказывает сказку о седьмой.

Они сидят за столом. Ольга ест кашу. Вера — тоже. Вера смотрит на Ольгу. Ольга смотрит на Веру. Они не разговаривают. Но и не враждуют.

— Слушайте, — говорит Соня. — Не перебивайте.

Сказка

Сказка о седьмой

Жили две сестры. Старшая — Аграфена. Младшая — Евдокия. Старшая была тихая. Младшая — красивая. Старшая умела ждать. Младшая умела хотеть.

Пришло время младшей вставать на межу. Мать сказала:

— Евдокия. Твой черёд.

Евдокия сказала:

— Я не буду.

Мать сказала:

— Надо.

Евдокия сказала:

— Не буду. Я хочу жить. Я хочу замуж. Я хочу детей. Я хочу уехать.

Мать заплакала. Старшая сказала:

— Я встану.

Мать сказала:

— Ты не можешь. Ты не седьмая.

Старшая сказала:

— Какая разница. Кто-то должен.

И встала.

Она стояла семь лет. Ни разу не села. Ни разу не обернулась. Ела мало. Спала стоя. Люди приносили ей хлеб. Она брала. Люди приносили воду. Она пила. Но не садилась.

Через семь лет она сказала матери:

— Я устала.

Мать сказала:

— Потерпи.

Она сказала:

— Я терплю.

Ещё год стояла. Потом вышла в поле. Не перешла. Просто вышла. Встала в траву. И её не стало.

Младшая в это время жила в городе. Вышла замуж. Родила дочь. Была счастлива. Однажды ей приснилась сестра. Стояла в траве. Босая. В рубашке. Сказала:

— Я за тебя стояла. Теперь ты за меня.

Младшая проснулась. Заплакала. Но не вернулась.

Через год она утонула в реке. Тела не нашли. Мать поставила крест на бугре. Без могилы.

А старшая осталась в поле. Никто не знает, где она. Может, она до сих пор стоит. Может, ждёт, когда младшая вернётся и скажет:

— Я встану.

Но младшая не вернётся. И старшая это знает. И всё равно стоит.

Соня замолчала. Ольга сидела неподвижно. Ложка в руке. Каша стыла.

— Это про меня, — сказала она.

— Это про всех, — сказала Соня.

— Нет. — Ольга положила ложку. — Это про меня. Я — Евдокия. Я сказала «нет». И мама... — Она замолчала. — Бабушка Аграфена? Она была?

— Была.

— Я её не помню.

— Ты её не видела. Она умерла до твоего рождения. Но она стояла за тебя.

Ольга закрыла глаза. Долго сидела. Потом встала. Вышла из-за стола. Подошла к сундуку. Открыла. Достала фотографию. Ту самую. С вырезанным местом.

— Это он? — спросила она.

— Он.

— Мама его вырезала.

— Да.

— Зачем?

— Чтобы не назвать.

Ольга смотрела на белое место. Долго. Потом провела пальцем по краю. Аккуратно. Как по ране.

— А если назвать?

— Тогда он сядет.

— За стол?

— За стол.

Ольга посмотрела на четвёртую тарелку. На хлеб.

— Он уже сидит?

— Нет.

— А что он делает?

— Ждёт.

Ольга положила фотографию на место. Закрыла сундук. Потом подошла к столу. Коснулась четвёртой тарелки. Отдёрнула руку.

— Она тёплая, — сказала она.

— Да.

— Почему?

Соня посмотрела на тарелку. Потом на Ольгу.

— Потому что ты приехала.

Ольга побледнела. Соня взяла тарелку. Поставила на место. Ровно. Посередине.

— Не трогай её, — сказала она. — Пожалуйста.

Ольга кивнула. Села. Взяла ложку. Каша была холодная. Она всё равно ела.

В доме пахло полынью. И чем-то ещё. Чем-то, чего Соня не могла назвать. Чем-то, что пахло дорогой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
СЕНТЯБРЬ. СКАЗКИ

Сказка — дверь. Слушай — не открывай. — Из бабушкиных тетрадей

Глава 5
Счёт

Вера остаётся.

День. Два. Неделя. Она не говорит о городе. Не собирает вещи. Не спрашивает про поезд. Она чинит крышу. Меняет доску. Заколачивает окно в пустом доме. Колет дрова. Соня смотрит, как она работает. Вера работает быстро, уверенно. Как будто всю жизнь только это и делала.

— Где научилась? — спрашивает Соня.

— В мастерской. Мы реставрировали дома. Старые. Как этот.

— Этот не реставрируют.

— Почему?

— Он не старый. Он живой.

Вера усмехается. Потом смотрит на дом. Долго.

— Он правда живой?

— Правда.

— Как?

— Скрипит. Дышит. Слушает.

— Все дома скрипят.

— Не так.

Вера не спорит. Она берёт молоток. Идёт к забору. Соня смотрит ей вслед. Вера идёт по двору. Не спешит. Не боится. Двор её принимает. Соня видит: куры не разбегаются. Петя не кричит. Сено в сарае примято с той стороны, где Вера стояла утром. Дом привыкает. Это плохо. Это очень плохо.

***

Ночью Вера считает во сне.

Соня слышит. Сначала тихо. Потом громче. Цифры. Одна за другой. До девяти. Потом пауза. Потом опять.

Соня встаёт. Подходит к боковке. Вера лежит на спине. Глаза закрыты. Губы двигаются.

— Одна, — говорит Вера. — Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять.

Пауза.

— Десять.

Соня хватает её за плечо. Трясёт.

— Вера.

Вера открывает глаза. Смотрит. Не понимает.

— Что?

— Ты считала.

— Я спала.

— Во сне тоже считается.

Вера садится. Трёт лицо. Долго молчит.

— Я видела женщин, — говорит она. — Стоят в ряд. В поле. Девять. Одна за другой. Длинные. Как тени. Я считала. Их девять. А потом... — Она замолкает.

— Что потом?

— Там было ещё одно место. Пустое. Я хотела посчитать до десяти. Но не успела.

Соня смотрит на неё. В темноте глаза Веры блестят.

— Ты не должна была считать.

— Я не хотела. Оно само.

— Оно всегда само. — Соня садится на край постели. — Слушай. Счёт — это дверь. Ты её открыла. Теперь надо закрыть.

— Как?

— Не считать. Днём. Ночью. Вслух. Про себя. Никогда.

— А если я увижу?

— Отвернись.

— А если не смогу?

— Сможешь. — Соня берёт её за руку. — Ты уже видишь. Это не отменить. Но считать — не обязательно.

Вера кивает. Потом говорит:

— Кто они?

— Кто?

— Женщины. В поле.

Соня молчит. Долго. Потом говорит:

— Те, кто стоял до меня.

— Все?

— Все.

— И бабушка?

— И бабушка.

Вера смотрит на окно. За окном темно. Поле не видно. Но оно там.

— А десятая? — спрашивает она.

— Нет никакой десятой.

— Было место.

— Место есть всегда. Это не значит, что оно твоё.

Вера отворачивается. Ложится. Соня сидит рядом. Не уходит. До утра.

***

Утром Соня ведёт её к межевому камню.

Камень плоский. Вкопан в землю у межи. Серый. Мокрый от росы. На камне — хлеб. Вчерашний. Не тронут.

— Смотри, — говорит Соня. — Это камень. На него кладут хлеб для тех, кто за межой.

— Кто кладёт?

— Я. Иногда Варя клала.

— А теперь?

— Теперь я.

Вера смотрит на хлеб. Потом на поле. Трава стоит. Высокая. Седая.

— Там кто-то есть?

— Есть.

— Он берёт хлеб?

— Иногда.

— А если не берёт?

— Значит, не принял. Надо класть снова.

Вера кивает. Соня отводит её на шаг. Ставит лицом на восток.

— Слушай. Утром, когда встаёшь, выходишь на крыльцо. Кладёшь руку на косяк. Стучишь три раза. Говоришь: «Хозяин, я выхожу. Не серчай». Потом идёшь на восток. Кланяешься. Говоришь: «Здравствуй, солнце. Здравствуй, день. Здравствуй, тот, кто за межой. Я стою».

Вера повторяет. Медленно. Слова выходят криво. Не так, как надо. Но Соня не поправляет.

— Хорошо, — говорит она.

— Это всё?

— Нет.

— А что ещё?

— Остальное — потом.

— Почему не сейчас?

— Потому что это не работа. Это жизнь. А ты ещё не выбрала.

Вера смотрит на неё. Долго.

— А если выберу?

— Тогда я скажу тебе всё. Но не раньше.

— А если я уже выбрала?

Соня молчит. Потом говорит:

— Тогда ты ещё не поняла, что выбрала.

***

Днём приходят тётя Шура и тётя Катя.

Они стоят у калитки. В руках — вёдра. Пустые.

— Соня, — говорит тётя Шура. — Дай воды.

Соня смотрит на вёдра. Потом на их лица.

— У вас свой колодец.

— Был. — Тётя Катя вздыхает. — Теперь горчит.

— Когда?

— С прошлой недели. Сначала чуть-чуть. Теперь совсем. Как полынь. Только хуже.

Соня берёт вёдра. Идёт к своему колодцу. Достаёт воду. Наливает. Вода чистая. Прозрачная. Тётя Шура смотрит на неё. Долго.

— Твой колодец не горчит?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я кормлю.

Тётя Шура кивает. Берёт ведро. Потом говорит:

— Соня. Мы тут подумали.

— О чём?

— О тебе. — Тётя Шура смотрит на неё. — Ты одна. Варя умерла. Девчонка приезжая. Мать городская. Ты одна.

— Я знаю.

— Мы можем стоять с тобой.

Соня поднимает голову.

— Как?

— Как раньше. Вместе. Утром. На меже.

— Нельзя.

— Почему?

— Межа держит одного.

— Раньше держала, — говорит тётя Катя. — Теперь не знаем. Может, держит троих. Может, держит всех.

Соня смотрит на них. Долго. Потом говорит:

— Я спрошу.

— У кого?

— У межи.

Тётя Шура кивает. Забирает ведро. Уходит. Тётя Катя идёт за ней. У калитки оборачивается.

— Соня.

— Что?

— Не тяни. Поле не ждёт.

Они уходят. Соня стоит с ведром. Смотрит на воду. В воде — её лицо. И ещё одно. Глубоко. Белое.

Она выливает воду на землю. Набирает снова. Смотрит. Только её лицо.

***

Вечером Вера считает тени.

Соня не видит. Она в доме. Ставит тарелки. Вера на крыльце. Смотрит на межу. Тени длинные. Вечерние. От дома. От колодца. От сарая. От неё.

Вера считает. Не вслух. Про себя. Она не хочет. Но глаза считают сами. Одна. Две. Три. Четыре. Пять. Шесть. Семь. Восемь. Девять.

Девять теней. У межи. Хотя там никого нет.

Вера стоит. Смотрит. Тени не двигаются. Потом одна отделяется. Высокая. В плаще. Идёт к ней. Медленно. Трава не шевелится.

Вера не отступает. Она смотрит. Тень подходит к калитке. Останавливается. Поднимает руку. Машет.

Вера поднимает руку. Машет в ответ.

Соня выбегает. Хватает её. Тянет в дом.

— Ты что делаешь?

— Он помахал.

— Ты махала?

— Махала.

— Сколько раз?

— Один.

Соня закрывает дверь. Задвигает засов. Прислоняется спиной. Смотрит на Веру.

— Ты считала.

— Я не...

— Сколько?

Вера молчит. Потом говорит:

— Девять.

Соня закрывает глаза. Долго стоит. Потом открывает.

— Девять, — говорит она. — Ты посчитала девять.

— Что это значит?

— Это значит, что ты их видишь. Всех.

— Кого?

— Тех, кто стоял. — Соня отходит от двери. — Они стояли в ряд. Ты их посчитала. Теперь они знают, что ты знаешь.

— Что я знаю?

— Что они есть.

Вера смотрит на неё. Потом на дверь. На засов.

— Я не хотела.

— Знаю.

— Что теперь?

— Теперь — не считать. И не махать. И не отвечать.

— А если они снова?

— Они снова. — Соня идёт к печи. — Они всегда снова.

***

На столе — четвёртая тарелка.

Соня видит трещину. Тонкую. От края к середине. Как волос. Она берёт тарелку. Поворачивает. Трещина с обратной стороны тоже. Сквозная.

— Что это? — спрашивает Вера.

— Трещина.

— От чего?

Соня молчит. Потом ставит тарелку на место.

— От счёта.

Вера смотрит на тарелку. На хлеб. На трещину. Потом на Соню.

— Я её сломала?

— Нет.

— А кто?

— Ты показала, что видишь. — Соня садится. — Тарелка — это место. Ты посчитала места. Одно треснуло.

— Какое?

— Четвёртое.

Вера бледнеет.

— Это плохо?

— Это не хорошо.

— Что теперь?

— Теперь он знает, что ты видишь. — Соня смотрит на трещину. — И он знает, что ты можешь занять место.

— Я не хочу.

— Хотеть мало.

Вера садится напротив. Смотрит на тарелку. Долго.

— Соня, — говорит она. — А если я уеду?

— Уезжай.

— Ты меня отпустишь?

— Я тебя выгоню.

Вера поднимает глаза.

— Правда?

— Правда. — Соня смотрит на неё. — Завтра. Я дам тебе денег на такси. Ты уедешь. До снега. И не вернёшься.

— А если я не уеду?

— Тогда тебе придётся стоять. — Соня наклоняется. — А стоять — это не стоять. Это не уходить. Никогда.

— А ты?

— Я не ушла.

Вера молчит. Долго. Потом говорит:

— Я подумаю.

— Думай до утра.

***

Ночью Соня рассказывает сказку о четвёртой.

Она не хочет. Но Вера просит. Говорит: «Расскажи. Я не буду считать». Соня смотрит на неё. Долго. Потом кивает.

— Слушай.

Сказка

Сказка о четвёртой

Жила женщина. У неё был дом, был двор, был колодец. Была межа. Всё было. Только не было гостей.

Никто к ней не ходил. Дорога была дальняя. Люди боялись. Она жила одна. Ела одна. Спала одна. Говорила сама с собой.

Однажды она поставила на стол четвёртую тарелку. Не для кого-то. Просто поставила. Положила хлеб. Села напротив. Стала ждать.

Никто не пришёл.

На следующий день она поставила снова. И на следующий. И так — год. Каждый день. Утром и вечером. Хлеб в тарелку. Ложку рядом. Села. Подождала. Убрала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.